

Чем дальше в лес

Ломэхонгва

Оставаясь на обучение в Цитадели Птиц, пусть и на совсем недолгий срок, Ломэхонгва то и дело чувствует себя и лишней, и обузой, и вообще. В Линь Ян Шо для девушки всё предельно просто: её учат, она взамен трудится по монастырю и помогает чем может. А здесь — что? Индеанке беспокойно, и довольно быстро она начинает прибиваться к монахиням с вопросами "что сделать" и "чем помочь". Монахини смотрят дружелюбно, без неприязни или даже удивления, обещают подобрать девушке какую-нибудь работу и вскоре действительно поручают ей небольшое задание.

Осень, говорят они, самое время для того, чтобы выкопать корни аира. Ломэхонгва с таким растением не знакома, разве что слышала издалека, но в глаза точно не узнает, а потому живо уточняет, кого искать. Получает некоторое число исчерпывающих инструкций, старается запомнить всё как можно точнее, собирается и с небольшой корзинкой спускается в долину.

Сперва кажется, что будет сложно. Глаза разбегаются во все стороны, цепляются за всё сразу и одновременно не хватаются ни за что, но потом Ломэхонгва постепенно привыкает к осеннему многоцветью. Привыкает настолько, что уже получается выхватывать взглядом отдельные цветы и растения, и даже некоторые из них узнавать издалека. Но нужного среди них всё нет и нет, и Ломэхонгва забирается всё глубже в долину, пока ей наконец не встречаются похожие на камыши стебли, увенчанные рыхлыми жёлто-зелёными цветами. Их совсем немного, можно пересчитать по пальцам одной руки, но и это гораздо лучше, чем возвращаться с пустыми руками. Ломэхонгва опускается рядом на колени, достаёт из корзинки взятый в дорогу охотничий нож и начинает осторожно обкапывать по кругу первый стебель, стараясь не зацепить и не повредить корневище — вряд ли ей скажут "спасибо", если обратно она принесёт обточенные огрызки и много мелкой стружки.

Эстер Хоук

Наиболее счастливой Эстер себя чувствует, когда занимается травами. Так, словно это именно ее занятие и ее место, которое ей так подходит. Рассматривать листочки, вдыхать аромат цветов и трогать тонкие хрупкие корешки ей нравится больше прочего. И вспоминать, какие травы где используются, а когда могут навредить, как и когда их заготавливать, а когда лучше оставить в покое, и, главное, где их можно найти. После работы с девочками их Цитадели птиц, когда они разбирали травы, Эстер еще несколько раз просилась вместе с ними на дежурства, но в конце концов заработала и отдельное задание насобирать листьев брусники. А, если повезет, то и ягод.

Плоды созревают вплоть до сентября и могут зимовать под снегом всю зиму, но здесь, на Тибете, такое было маловероятно. К тому же на голой земле красные ягоды хорошо заметны, и быстро склевываются птицами, но все же стоило что-нибудь поискать. Листья-то останутся в любом случае.

В долине красиво. Осень тут властвует полноправно, и трава уже вся желтая, да и деревья тоже. От этого вода в реке кажется пронзительно синей, и Эстер какое-то время просто стоит и любитесь открывающимся видом. Но потом спохватывается и

устремляется вглубь в поисках нужной ей брусники. Нужно поискать какую-нибудь влажную низинку, поэтому идти стоит вдоль реки.

Низинка нашлась быстро, и это даже странно, потому что обычно поиски нужного растения занимают больше времени. Набрав треть корзины, Эстер пошла дальше, но судьба не была к ней милосердна. Ручка корзины внезапно отвалилась прямо у самого основания, и все собранное имущество вместе с корзиной полетело на землю. Эстер громко охнула, прижав руки к лицу.

Ведь надо было проверить корзину перед выходом, такой бы неприятности не случилось. А теперь что ей делать, как все это нести? Ведь тащить корзину в обеих руках жуть как неудобно, а у нее с собой только нож, куртка да бутылка воды.

Ломэхонгва

Со своим травянистым заданием Ломэхонгва, которая мелкими перебежками следует от одного стебля аира, растущего витиевато, как хлебные крошки Гензеля и Гретель, к другому, ухитряется забраться в невысокие кусты так хорошо и прочно, что, как видно, напрочь с ними сливается. Или уж как минимум — хорошо и качественно. Рыжая девочка с корзинкой в руках пробегает мимо, совсем её не замечая. Впрочем, в эти мгновения Ломэхонгва тоже не готова кого бы то ни было замечать, она как раз чутко и осторожно разгребаёт лезвием ножа сырую землю, стараясь выкопать и не повредить особенно разветвлённый корень, ей не до случайных знакомств, хоть, возможно, и приятных.

Вскидывает голову индеанка лишь тогда, когда слышит резкий, неприятный треск. И видит, как рыжая девочка заламывает руки над сломавшейся, опрокинувшейся корзинкой, а от неё по траве, как яркие бусинки крови, разбегаются ягоды брусники. Ломэхонгва первым же порывом переводит взгляд на свою корзинку, в которой сиротливо лежат несколько корней аира — она может её отдать.

Может ли она её отдать?

По торопливым прикидкам выходит, что да — несколько корешков завернуть в подол куртки куда проще, чем столько юркой брусники. Ломэхонгва берёт свою корзинку, переворачивает кверху дном, вытряхивая из неё всё, что насобирать успела, а потом решительно поднимается.

У неё и вид, должно быть диковатый: ноги босые, учащиеся чутко слушать постепенно становящуюся родной стихию, к коленям налипла земля и тонкие полоски зелёной травы, и даже в волосы впуталось что-то, что нисколько не орлиные перья, но торчит теперь воинственно. Осторожно ступая, чтобы не раздавить рассыпанные по земле ягоды — с ними ещё ничего не случилось, их ещё можно собрать обратно — Ломэхонгва подходит ближе к рыжей девочке, обеими руками протягивает ей свою корзинку и просит: — Не расстраивайся. Возьми мою. Всегда пожалуйста, — неловко прибавляет Ломэхонгва, пытаясь выразить, что она не только корзинкой готова поделиться, а и ножом, и ещё чем угодно — жаль только, нет больше ничего — лишь бы не видеть этот испуг, такой громкий и звенящий, словно и не корзинка сломалась, а как минимум сердце.

Эстер Хоук

Эстер совершенно не ожидала, что она будет тут не одна, и слегка удивленно, даже оторопело посмотрела на словно из ниоткуда (на самом деле вон их тех густых кустов) появилась смутно знакомая девушка, которая явно приехала сюда с ней

вместе из одного и того же монастыря на Тибете. И это чудное виденье держало в руках целую корзину, которую теперь протягивало ее ей.

- Ой, ну что ты, - неловко пробормотала Эстер, но корзину почему-то все-таки взяла, потому что казалось глупым отталкивать и пихать обратно девушке, от которой так и веяло духом Дикого Запада. Она тут же спохватилась, прижимая к себе корзину, как самое дорогое сокровище: - А как же ты? Тебе ведь тогда некуда складывать...

Она осеклась, потому что не знала, что именно девушка собиралась туда складывать, но что бы то ни было, теперь ей некуда это положить, будь это какие-то растения или что-то другое.

Лишить щедрую девушку емкости, с которой так удобно ходить за травами и чем-то еще Эстер просто не может, несмотря на то, что корзину все еще в руках держит, не собираясь ее выпускать из рук, потому что вдруг тоже упадет и сломается, как ее? Может быть, ее еще можно починить? Может быть, получится связать ее каким-нибудь шнурком? Если продеть через прутья в основании и обвязать вокруг ручки, то какой-нибудь вес она точно сможет выдержать. Взгляд Эстер упал на собственную обувь - единственное, где были шнурки. Но если она достанет шнурок из кроссовка, то тогда не сможет в нем ходить, и тогда взгляд переместился на босые ноги незнакомки. У нее шнурков точно не было.

- Тебе не холодно? - не удержалась от вопроса Эстер, и испуганно захлопнула рот, прежде чем успела ляпнуть что-нибудь еще такое же неуместное. Она помолчала, пытаясь справиться с охватившим ее смущением, и постаралась перевести разговор на что-то более нейтральное.

- Мы можем пользоваться ею вдвоем? - предложила девочка. - Корзина большая, места хватит.
